

Александр Восьмой

Книга 1. «Там, Где
Кончается Сказка»

Александр Восьмой

**Книга 1. «Там, Где
Кончается Сказка»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 1. «Там, Где Кончается Сказка» / А. Восьмой — «Автор», 2026

Все истории когда-нибудь заканчиваются. Но эта кончилась плохо. Шестеро незнакомцев из разных миров — бойкая Оптима, молчаливый Фаргус, надменная Прима, быстрая как ветер Окси, невозмутимый увалень Даффи Толстяк и загадочная девушка с глазами цвета лунного камня Сиринити — просыпаются в Городе-Устье, последнем поселении перед Разломом. Никто из них не помнит, как сюда попал. Никто не знает, что город уже мёртв. Просто ещё не знает об этом. Когда часы на башне отсчитывают тринадцатый удар, улицы меняют направление, а дома — окна. Сиринити первой замечает: тени жителей всё ещё повторяют привычные маршруты, хотя сами жители исчезли. Фаргус находит в заброшенной библиотеке книгу, где на последней странице — их имена. Все шестеро. Написанные кровью, которой ещё не было.

Александр Восьмой

Книга 1. «Там, Где Кончается Сказка»

Глава 1. Пробуждение в Городе-Устье

Оптимка открыла глаза и тут же зажмурилась — не от света, а от его неестественной мягкости. Будто кто-то взял настоящий рассвет и стёр из него все острые края, оставил только пастель и тишину. Улица, на которой она лежала, пахла пылью и забытыми обещаниями. Дома стояли слишком ровно, как выстроенные по линейке солдатики — ни покосившегося крыльца, ни выбитого стекла, ни хотя бы одной кривой доски. Всё было правильным. Слишком правильным.

— Тут что-то не так, — сказала Оптимка вслух, чтобы услышать собственный голос и убедиться, что она ещё существует.

Рядом, у покосившейся вывески с полустёртым названием, поднялся Фаргус. Он не произнёс ни слова — просто посмотрел на башню с часами, будто пытался найти в её очертаниях подвох. Его молчание было громче любого крика.

Прима встала с грацией, которую, казалось, невозможно сохранить на разбитой брусчатке. Она оправила подол платья, будто находилась не в заброшенном переулке, а на приёме у короля, и бросила короткий, ледяной взгляд по сторонам:

— Если это шутка, она затянулась.

Окси метнулась к углу дома, быстрая и лёгкая, как порыв ветра. Она прижалась к стене, прислушиваясь к тишине, которая здесь звучала громче любого шума.

— Слышите? — прошептала она. — Город не дышит.

Даффи Толстяк тяжело поднялся, опираясь на стену, и вытер рукавом лоб, хотя на улице не было жарко.

— Я не помню, как сюда попал, — признался он, и в его голосе не было стыда, только усталость. — Вообще ничего не помню.

Сиринити стояла чуть в стороне, её глаза цвета лунного камня казались темнее обычного. Она смотрела не на улицы, не на дома — на тени. На длинные, чёткие тени, что тянулись от пустых дверных проёмов и двигались, будто у них были свои дела, свои маршруты, свои привычки.

— Тени помнят, — тихо произнесла Сиринити. — А мы — нет.

Башня на площади отсчитала восемь ударов — ровно, чётко, без намёка на скрип или усталость металла. Часы шли. А город застыл.

Оптимка подошла к Фаргусу и кивнула на башню:

— Восемь. Но солнце... оно не поднимается. Оно просто висит там, как нарисованное.

Фаргус наконец заговорил — низким, глухим голосом, будто каждое слово давалось ему с усилием:

— Значит, время здесь не наше.

Прима фыркнула, но в этом звуке не было уверенности:

— И что теперь? Будем стоять и ждать, пока этот город сам себя съест?

Окси скользнула обратно к группе, её пальцы нервно теребили край плаща:

— Надо найти кого-нибудь. Хоть кого-то.

— Или хоть что-то, — добавил Даффи, оглядываясь на тёмные окна домов. — Что-то, что объяснит, где мы.

Сиринити не сводила глаз с теней. Они двигались. Медленно, механически, словно повторяли давно заученные шаги.

— Они идут туда, — прошептала она, указывая на узкую улочку, теряющуюся в сером мареве. — Туда, где раньше был рынок. Тени идут на рынок. А людей нет.

Оптиме сжала кулаки, чувствуя, как страх пытается пробраться под кожу, но не позволяя ему взять верх:

— Тогда пойдём за теньями. Хоть узнаем, куда они спешат.

Шестеро незнакомцев из разных миров — бойкая Оптиме, молчаливый Фаргус, надменная Прима, быстрая как ветер Окси, невозмутимый увалень Даффи Толстяк и загадочная Сиринити — шагнули вперёд, туда, где улицы сужались, а воздух становился тяжелее, будто сам город пытался их остановить.

И в тот момент, когда они свернули за угол, башня на площади снова заговорила.

Часы пробили девятый удар.

А потом — десятый.

Одиннадцатый.

Двенадцатый.

И, когда никто уже не ждал, — тринадцатый.

Город вздрогнул.

Улицы изменили направление. Дома повернулись, как будто кто-то крутил их на невидимых петлях. Окна оказались там, где раньше были глухие стены.

Тени на мгновение замерли — и продолжили свой путь.

Сиринити первой заметила, что на последней странице старой книги, которую Фаргус подобрал в заброшенной библиотеке, были написаны их имена.

Все шестеро.

Кровью, которой ещё не было.

Глава 2. Тринадцатый удар

Окси шла первой — она всегда шла первой, потому что стоять на месте для неё было хуже смерти. Узкая улочка вела мимо чайных, мимо пекарен с нетронутыми караваем в витринах, мимо лавок, где на прилавках лежали товары, которым никто не назначил цену. Город-Устье выглядел так, будто все жители разом встали из-за столов и ушли, забыв погасить свет.

Свет, впрочем, здесь никто и не зажигал. Он просто был.

— Почти полдень, — сказала Прима, не глядя на башню. Она считала удары по вибрации в камнях под подошвами. — Скоро узнаем, было ли то, что мы видели утром, случайностью.

Даффи Толстяк шёл замыкающим, широко шагая, и казалось, что ничего на свете не способно вывести его из равновесия. Он уже принял невозможное — город без людей, тени без тел, рассвет без теней. Принял так, как принимают погоду: не нравится, но приходится иметь дело.

Фаргус нёс книгу. Старую, в тёмном переплёте, найденную в библиотеке, где пыль лежала ровным саваном, а стеллажи тянулись к потолку, как рёбра огромного спящего зверя. Книгу он не открывал с тех пор, как увидел на последней странице их имена. Просто нёс, прижав к груди, будто она могла ускользнуть.

Сиринити шла рядом с Оптимой, и её глаза цвета лунного камня следили за теньями, которые продолжали свой невидимый маршрут — от дома к дому, от угла к углу, безукоризненно повторяя жесты людей, которых здесь больше не было.

— Они готовятся к полудню, — прошептала Сиринити. — Тени всегда знают время раньше, чем часы.

Башня ударила первый раз.

Звук был чистым, стеклянным — не отлитый из бронзы, а словно вырезанный из самого воздуха. Он прокатился по улицам, и теаные чашки на столиках уличных кафе звякнули — тонко, жалобно, будто отзываясь на зов.

Второй удар. Третий.

Окси остановилась. Она стояла посреди улочки, ведущей к площади, и вдруг поняла, что не может вспомнить, с какой стороны подошла. Улица за спиной выглядела точно так же, как улица впереди. Те же дома. Те же окна. Та же брусчатка. Словно кто-то скопировал её и вставил с обоих концов.

Четвёртый. Пятый. Шестой.

— Считайте, — сказала Оптима, и в её голосе впервые проскользнуло что-то похожее на страх. — Считайте вслух.

Седьмой.

Дома по обеим сторонам улочки дрогнули. Не землетрясение — что-то другое. Словно фундаменты вспомнили, что могут двигаться, и решили попробовать.

Восьмой. Девятый.

Даффи Толстяк побледнел. Это произошло мгновенно — как будто из-под кожи вычерпали кровь. Он схватился за стену, и стена под его ладонью была тёплой. Тёплой, как кожа.

— Стена дышит, — сказал он, и голос его дрогнул. — Город дышит.

Десятый.

Окси бросилась вперёд — и улица развернулась под ней, как лента Мёбиуса, заворачиваясь сама в себя, соединяя конец с началом. То, что было слева, стало справа. То, что было впереди, оказалось сзади. Окна домов поплыли, меняя###, перетекая с фасада на фасад, как капли воды по стеклу. Мостовая вздохнула — камни поднялись и опустились, будто лёгкие огромного спящего зверя, и в этом вздохе было что-то настолько живое, что по спине бежал холод.

Одиннадцатый.

Прима закричала — коротко, резко, не от страха, а от ярости. Её рука, которой она опиралась на дверной косяк, прошла сквозь дерево, как сквозь туман. Дверь была иллюзией. Стена была иллюзией. Иллюзией было всё, кроме звука часов.

Двенадцатый.

Фаргус открыл книгу. Страницы были пусты — все, кроме последней. На последней, кровью, которой ещё не было, были написаны шесть имён. И под ними, строкой ниже, появилась новая надпись — мелкая, торопливая, словно дописанная только что:

«Вы здесь, потому что сказка кончилась. Но никто не перевернул страницу.»

Тринадцатый.

Город замер.

Звук последнего удара не закончился — он повис в воздухе, как недосказанное слово, дрожащий, вибрирующий, заполняющий каждую трещину в брусчатке, каждую щель в стенах, каждый стакан на каждом столе.

А потом — тишина.

А потом — всё вернулось.

Улицы встали на место. Дома приняли прежние фасады. Мостовая застыла, камень — снова камень. Тени на мгновение исчезли, а потом вернулись, послушно продолжив свои маршруты, будто ничего не случилось.

Но не всё было как прежде.

На столиках уличных кафе, где секунду назад стояли пустые чашки, теперь поднимался пар. Тонкие струйки, тёплые, душистые, с запахом чего-то сладкого и горького одновременно — будто кто-то только что отпил и отставил чашку, собираясь вернуться.

Оптима медленно подошла к ближайшему столику и дотронулась до чашки. Тёплая. Почти горячая. На краю — след губ, едва заметный, свежий.

— Кто-то был здесь, — сказала она. — Только что. Секунду назад.

— Или секунду назад это были мы, — тихо ответила Сиринити, и её глаза цвета лунного камня впервые выглядели испуганными. — Город не перестал жить. Он перестал быть живым.

Фаргус закрыл книгу. Его руки не дрожали, но костяшки побелели.

— Нам нужно уйти, — сказал он. Первая фраза за весь день, произнесённая так тихо, что услышала только Оптима.

— Куда? — Прима стояла, скрестив руки, и в её надменности появилась трещина — тонкая, как волос, но заметная. — Везде одно и то же. Улицы, которые дышат. Чашки, из которых никто не пил. Тени, которые помнят больше нас.

— На юг, — сказал Даффи. Он уже пришёл в себя, побледневшее лицо снова обрело привычную невозмутимость. — Тени идут на юг. К Разлому.

Все повернулись к нему.

— Откуда ты знаешь? — спросила Окси.

— Не знаю. — Даффи пожал плечами. — Просто чувствую. Как будто город вложил мне это в голову.

Сиринити медленно кивнула:

— Он вкладывает во всё. В чашки — пар. В тени — память. В нас — направление. Мы не гости в этом городе. Мы — его последние страницы.

Ветер, которого не было, перевернул страницу книги в руках Фаргуса.

На предпоследней странице, которая минуту назад была пустой, теперь был рисунок — тонкий, точный, словно нанесённый иглой. Шесть фигур, идущих по улице, которая сворачивается в ленту. И над ними — часы, показывающие тринадцать.

А под рисунком — одна строка:

«Тот, кто перевернёт страницу, начнёт новую сказку. Или закончит старую.»

Башня молчала. Часы показывали полдень. Но солнце, нарисованное и ровное, по-прежнему висело там же, где висело утром — не двинувшись ни на градус.

Время в Городе-Устье не шло.

Оно ждало.

Глава 3. Тени, которые помнят

Улица Лунной пахла дождём, которого не было. Капли не падали с неба — они словно висели в воздухе, готовые собраться в ливень, но так и не решались. Сиринити шла чуть впереди, не глядя под ноги, а сквозь них — туда, где мостовая жила своей отдельной жизнью.

Тени двигались.

Не следом за солнцем — вопреки ему. Они повторяли привычные маршруты с механической точностью: тень старика толкнула дверь лавки, которой не существовало; тень девушки склонилась к невидимой витрине, будто разглядывала узор на стекле; тень мальчика пробежала по брусчатке, оставляя лёгкие, почти незаметные вмятины в камне — будто память о шаге, который когда-то был настоящим.

На углу, у пустого пятачка, где раньше, наверное, стоял фонарный столб, застыла тень женщины. Она стояла ровно, сложив руки перед собой, и смотрела в одну точку — туда, где улица сворачивала к набережной. Каждый полдень она ждала кого-то, кто так и не приходил. И каждый полдень она оставалась ждать.

— Смотри, — тихо сказала Сиринити, кивнув на женщину. — Она не забыла. Просто не знает, что забывать уже нечего.

Фаргус остановился. Он смотрел на тень, как на врага, которого нельзя ударить, но нужно победить. Потом медленно поднял ногу и шагнул вперёд, целясь точно в тёмный силуэт на камнях.

Тень не исчезла. Не вздрогнула. Она просто обтекла его ботинок, как вода обтекает камень, и продолжила свой путь — шаг, поворот головы, едва заметный наклон плеча. Фаргус отступил, будто от удара.

— Они не знают, что мертвы, — повторила Сиринити. Её голос звучал не как вывод, а как приговор. — Они помнят всё. Но не понимают, что это уже не нужно.

Оптимка сжала кулаки. В её взгляде смешивались злость и отчаяние — она ненавидела вещи, которые нельзя сломать, ударить, сжечь.

— Значит, город держит их здесь, — сказала она. — Держит их память, пока сам город притворяется, что всё нормально.

Прима стояла чуть в стороне, скрестив руки. Её надменность сейчас была не броней — она была последней стеной, которую она могла построить между собой и этим безумием.

— Если тени помнят маршруты, значит, мы можем по ним пройти, — холодно произнесла она. — Может, они ведут туда, где есть ответ. Или хотя бы дверь.

Оксид скользнула к стене, прижалась к ней плечом, будто хотела спрятаться от того, что видела, но не могла отвести глаз.

— Я не хочу идти по чужим следам, — прошептала она. — Но если это единственный путь... тогда идём.

Даффи Толстяк молчал дольше обычного. Он смотрел не на тени, а на то, что оставалось после них: на едва заметные царапины на камне, на крошечные выбоины, на линии, которые тени оставляли, как будто сами были сделаны из чего-то более твёрдого, чем воздух.

— Город стирает людей, — наконец сказал он. — А тени — это то, что не стирается. Как чернила на мокрой бумаге. Размазываются, но не исчезают.

Сиринити кивнула. Её глаза цвета лунного камня казались сейчас почти чёрными — будто в них отражалась вся тьма этого места.

— Мы идём за тенью женщины, — сказала она, не спрашивая, а утверждая. — Она ждёт кого-то. Значит, она знает, куда он должен прийти.

И они пошли.

Шестеро незнакомцев шагали по мостовой, стараясь не наступать на чужие следы, но неизбежно попадая в них. Каждый их шаг отзывался в городе — не звуком, а ощущением: будто камни запоминали их, как тени запоминали жителей.

Когда они дошли до угла, тень женщины остановилась и медленно повернулась — не к ним, а в сторону набережной, туда, где начиналась улица, которой не было на старых картах. Она подняла руку — жест прощания или приглашения, никто не понял. И растворилась в воздухе, оставив после себя только лёгкий холод и едва заметную линию на камне.

Фаргус наклонился и провёл пальцем по этой линии. Камень был тёплым. Слишком тёплым для тени.

— Она знала, что мы придём, — сказал он тихо.

Оптимка посмотрела на него, потом на пустую улицу, уходящую в серый туман.

— Или это город знал, — ответила она. — И заставил её ждать.

Туман впереди шевелился, будто дышал. Он не скрывал дорогу — он предлагал её, как ловушку, замаскированную под спасение.

Сиринити первой шагнула вперёд. Остальные последовали за ней — не потому, что верили, а потому, что стоять на месте было страшнее.

Город-Устье молчал. Но его тишина была полна голосов — тех, кого здесь уже не было, и тех, кто только начинал понимать, что они могут стать следующими.

Глава 4. Библиотека, где нет выхода

Дверь библиотеки стояла распахнутой, будто приглашала войти — и тут же обещала, что выйти будет непросто. Фаргус шагнул первым, и воздух внутри ударил в грудь тяжестью забытых слов: густой, пыльный, пропитанный чужим дыханием, которого здесь давно не было.

Внутри тянулись бесконечные ряды полок — до самого потолка, теряясь в полумраке. Миллионы книг. И на каждой — следы: загнутые уголки страниц, карандашные пометки на

полях, тонкие закладки из ткани, из бумаги, из засушенных лепестков. На корешках — отпечатки пальцев, будто кто-то только что провёл ладонью, выбирая, что читать дальше. Но ни одного читателя. Ни одного живого взгляда между стеллажами. Только тишина, слишком плотная, чтобы быть естественной.

— Здесь читали, — тихо сказал Фаргус, проводя пальцем по корешку. — Совсем недавно.

— Или очень давно, — поправила Прима, её голос звучал резче обычного, будто она пыталась пробить эту тишину, как стену. — Разница тут не имеет значения.

Окси метнулась вдоль полок, скользя взглядом по названиям, которых не существовало ни в одном языке. Её пальцы дрожали, когда она касалась обложек — будто боялась, что книги ответят.

Даффи Толстяк остановился у входа, будто чувствовал: стоит сделать ещё шаг — и дверь за спиной закроется сама собой. Он смотрел не на книги, а на пол — на едва заметные линии, вытопанные между рядами. Шесть следов. Шесть маршрутов. Все вели в один угол — в самый дальний, где полки стояли плотнее, будто прятали что-то.

Сиринити шла последней. Её глаза цвета лунного камня ловили отблески на корешках, как на воде — и видели то, чего не видели остальные: на некоторых обложках проступали имена. Чьи-то. Чужие. И исчезали, стоило подойти ближе.

Оптиме жала кулаки, чувствуя, как страх пытается пробраться под кожу, но не позволяя ему взять верх:

— Идём туда, — кивнула она в сторону дальнего угла. — Раз все следы ведут туда, значит, там что-то есть. Или кто-то.

Они шли по узкому проходу, и стеллажи будто сдвигались за их спинами — не громко, не с грохотом, а тихо, как шёпот, который становится криком, если прислушаться.

В самом дальнем углу, на последней полке, стояла книга. Чёрная, без названия, без тиснения — просто тёмный прямоугольник, который притягивал взгляд, как пустота притягивает свет.

Фаргус снял её с полки. Обложка была тёплой. Слишком тёплой.

Он открыл книгу. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком — но слова не складывались в предложения, они сплетались в узоры, в линии, в символы, которые хотелось рассматривать, а не читать. И только последняя страница была чистой — до того момента, пока Фаргус не провёл по ней пальцем.

Тогда на бумаге проступили буквы. Красные. Свежие. Кровь, которой ещё не было.

Шесть имён. Их имена.

И под ними — строка, написанная другим почерком, торопливым, будто дописанным в спешке:

«Тот, кто возьмёт эту книгу, станет частью истории. А история здесь не заканчивается.»

Прима схватила книгу из рук Фаргуса — резко, будто хотела вырвать её из этого места, из этой тишины, из этой ловушки.

И в тот же миг дверь за их спинами с глухим стуком захлопнулась.

Тишина стала плотной, осязаемой, как ткань. Стеллажи сдвинулись ещё ближе, отрезая путь к выходу. Проход, по которому они пришли, исчез — вместо него теперь стояла глухая стена с рядами книг, на корешках которых не было ни букв, ни рисунков, ни следов пальцев.

— Не может быть, — прошептала Окси, прижимая ладонь к стене. — Мы же только что пришли отсюда.

— Мы пришли, — тихо сказала Сиринити. — Но город не хочет, чтобы мы уходили.

Оптиме рванулась к двери, дёргая ручку, колотя по дереву кулаками — но дверь не поддавалась. Она была не заперта — она была... не там. Как будто её никогда и не было.

— Надо что-то сделать, — сказала Прима, и в её голосе впервые не было надменности — только холодная, острая необходимость действовать. — Эта книга — ключ. Или ловушка. Но она — единственное, что у нас есть.

Окси смотрела на страницу со своим именем. Буквы пульсировали, будто под ними бился чужой пульс. Она провела пальцем по строке — и почувствовала тепло. Настоящее, живое тепло.

— Это не чернила, — прошептала она. — Это...

Она не договорила. Просто схватила край страницы и рванула.

Бумага поддалась с тихим треском — и в тот же миг на странице выступила свежая кровь. Капля за каплей, будто страница сама кровоточила.

И тогда в стене напротив, там, где только что была сплошная полка, появилась узкая дверь. Старая, потемневшая от времени, с ржавой ручкой и трещиной вдоль косяка. Она стояла так, будто была там всегда — просто её никто не замечал.

Все замерли.

— Ты... — начал Фаргус, глядя на Окси. — Ты порезалась?

Она покачала головой, протягивая руку. На пальцах не было ни царапины. Кровь была только на странице. И на разорванном крае.

— Она взяла это на себя, — тихо сказала Сиринити, её глаза казались почти чёрными в полумраке библиотеки. — Книга берёт плату. Но даёт выход.

Оптимиста шагнула к двери, не оглядываясь.

— Тогда идём, — сказала она. — Пока она открыта.

Они вышли один за другим, оставляя за спиной библиотеку, где миллионы книг ждали читателей, которых никогда не будет. Окси последней переступила порог, и дверь за ними медленно закрылась — не с грохотом, а с тихим, почти вежливым щелчком, будто библиотека прощалась.

На улице было по-прежнему тихо. Солнце висело на том же месте, не двигаясь. Тени продолжали свои маршруты. Но теперь в воздухе чувствовалось что-то новое — не просто холод, а ожидание. Будто город понял, что они нашли способ вырваться из его ловушек. И готовил следующую.

Фаргус посмотрел на Окси — на её дрожащие пальцы, на тёмное пятно на краю разорванной страницы, которую она всё ещё держала в руке.

— Почему ты это сделала? — спросил он.

Она пожала плечами, но в её глазах мелькнуло что-то, похожее на страх — и на решимость:

— Потому что стоять и ждать, пока город сам решит, что с нами делать, было страшнее. Сиринити остановилась, глядя на улицу, которая вела к Разлому.

— Он не отпустит нас просто так, — сказала она тихо. — Каждая дверь будет требовать свою цену. И следующая может стоить больше, чем мы готовы заплатить.

Ветер, которого не должно было быть в этом застывшем городе, шевельнул страницы книги в руках Окси. И на чистом листе, где раньше ничего не было, начали проступать новые буквы.

Ещё шесть имён.

Но эти — чужие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.